

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С. Н. Темушев

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЛОГОВО-ДАНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ ПО ДАННЫМ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Берестяные грамоты давно и прочно вошли в исторические исследования, посвященные проблемам развития внутренней и внешней торговли Новгорода [Рыбина, с. 85–102], сельского хозяйства и ремесла [Дубов, с. 128–129], вотчинного землевладения и роли боярских семей в политической сфере [Янин, 1966; Янин, 1981; Янин, 2003а], особенностям быта и повседневной жизни древнерусского населения [Древняя Русь], внешней политики Новгорода Великого [Шаскольский] и его оборонительной системы. Важно, что берестяные грамоты позволили «дать имена» безмолвным находкам археологов, благодаря им была воссоздана генеалогия наиболее влиятельных боярских родов, выявлена роль в тех или иных событиях отдельных лиц [Янин, 2003б, с. 16], были персонифицированы отдельные произведения искусства домонгольской эпохи [Колчин, Хорошев, Янин], что было немислимо сделать до обнаружения этих уникальных источников. Представляется, что берестяные грамоты могут стать ценнейшим источником и в изучении проблемы функционирования и эволюции налогово-даннической (фискальной) системы как Новгородской земли, так и Древней Руси в целом.

Велико жанровое разнообразие берестяных грамот, тексты которых включают «хозяйственные распоряжения и политические донесения, судебные казусы и бытовые просьбы, крестьянские жалобы и заказы ремесленникам, школьные упражнения детей и просьбы художнику об изготовлении икон, любовные записки и сообщения о смерти близкого человека, ростовщические записи и списки недоимщиков, молитвы и заговоры против болезней...» [Янин, 2003б, с. 17]. Но весьма показательным то обстоятельство, что найденные первыми в 1951 г. грамоты (№ 1 и 2¹, обе датируются XIV в.) относились к росписи доходов с нескольких сел и к росписи пушного оброка. Последующие находки дали еще больше примеров деловой переписки, касающейся сбора налогов-дани. Эти уникальные источники, в аутентичности которых не приходится сомневаться, позволяют почерпнуть ценнейшие сведения для определения окладной единицы, разновидностей налогов-дани, содержания и размера податей. Берестяные грамоты убеждают в том, что такие представители государственной администрации, как ябетники, детские, отроки, а также дьяки («диаки»), были связаны со сбором различных податей (встречаются

---

¹ Здесь и далее, если специально не оговаривается, приводится нумерация грамот, найденных в Великом Новгороде.

поралье, погородье, медовое, поногатное). Тексты грамот также содержат прямое указание на объем вознаграждения сборщикам².

Возможно, каким-то образом с государственным фиском (недоимками?) могут быть связаны некоторые из многочисленных долговых списков и записей на бересте. В таком случае количество источников по проблеме функционирования налогово-даннической системы в Древней Руси значительно возрастает. Отметим также, что до половины берестяных грамот относятся к домонгольскому периоду, весьма скудно освещенному письменными источниками. Тем более это важно для изучения проблемы функционирования налогово-даннической системы в домонгольской Руси. Обращает на себя внимание избирательность интересов древнерусского летописца, который считал необходимым фиксировать только наиболее значимые в его представлении события (смерть князя, выборы епископа, начало и конец войны, эпидемии, явление кометы и т. д.) [Янин, 2003б, с. 16], между тем как события повседневной жизни могли попасть на страницы летописи только случайно. Так, столкновение интересов князей разных земель время от времени получало отголосок в летописях в фиксации фактов устранения данников (в значении сборщиков дани) соперников и присвоения чужой дани³. В то же время неоднократно отмечаются факты распоряжения князьями собранными материальными благами⁴. Но летописи не дают возможности определить круг лиц, занимавшихся сбором налогов-дани, само содержание и размер этой дани и т. п. В связи с этим данные берестяных грамот приобретают неоценимое значение.

Историография проблемы функционирования налогово-даннической системы Новгородской земли по данным берестяных грамот все еще остается на уровне анализа содержания отдельных грамот. Отсутствуют обобщающие работы, в которых прослеживалась бы эволюция фискальной системы, создавалась полная картина податной зависимости населения Новгородской земли и даннических обязательств ее периферии, реконструировалась структура всех звеньев новгородской администрации, занимавшейся сбором налогов-дани. Между тем накопленный к настоящему времени аналитический материал и выводы по отдельным сюжетам рассматриваемой проблематики позволяют осуществить обобщающее исследование, которое в определенной степени прояснило бы ситуацию с развитием фискальной системы в других регионах Древней Руси, чья история повседневности не освещена такими уникальными источниками, как берестяные грамоты.

К настоящему времени только в работе Л. В. Черепнина [Черепнин] проблеме развития налогово-даннической системы Новгородской земли было уделено специальное внимание. Весь комплекс документов, связанных с налогово-данническими обязательствами населения, ученый разделил на две большие группы: фиксирующие дань и феодальную ренту. Под данью Л. В. Черепнин понимал различные денежные платежи и натуральные взносы податного населения (прежде всего, смердов) в пользу государства, то есть собственно государственный фиск. К феодальной ренте были отнесены вотчинные повинности: натуральный и денежный оброк, а также барщина [Черепнин, с. 203–240], то есть сфера частноправовых отношений, предполагающая наличие частной земельной собственности. В особых параграфах Л. В. Черепнин рассмотрел акты, фиксирующие повинности отдельных крестьян, и некоторые близкие по своему характеру повинности населения («корм», «дар» и «почестье»), упоминаемые в берестяных грамотах [Черепнин, с. 240–258]. В соответствии с приоритетной проблематикой советской исторической науки, ученый акцентирует внимание на примерах осложнений и трений, возникавших у

² См., например, грамоту Великого Новгорода № 718 (Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). М., 2000. Т. X. С. 16–18).

³ Повесть временных лет (далее – ПВЛ). СПб., 1996. С. 108; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 183, 221.

⁴ ПСРЛ. М., 2001. Т. 2. Стб. 388, 393, 835.

«правительственных агентов и тягловцев», на «социальных и политических конфликтах», происходивших при сборе дани в периферийных регионах [Черепнин, с. 225]. Действительно, берестяные грамоты содержат множество примеров конфликтных ситуаций в фискальной сфере, но большее их число связано с ростовщичеством, значительная часть грамот отражает бытовые конфликты.

Всего Л. В. Черепнин рассмотрел содержание 17 грамот, в которых несомненно или предположительно нашли отражение даннические отношения. Из них только 3–4 грамоты датируются домонгольским периодом. Такое количество документов, конечно, не давало возможности представить сколько-нибудь полную картину функционирования фискальной системы Новгородской земли. К настоящему времени ситуация изменилась: в распоряжении исследователей имеется до 26 берестяных грамот домонгольского периода, непосредственно относящихся к налогово-даннической системе (предположительно же к ней можно отнести до 50 документов). Феодальную ренту Л. В. Черепнин рассмотрел на примере 14 грамот, все они датируются второй половиной XIII — первой половиной XV в.

В основной части исследование Л. В. Черепнина сводилось к последовательному (по хронологии, от более ранних к более поздним) рассмотрению содержания отдельных грамот. Ученым были уточнены переводы некоторых грамот и сделаны ценные наблюдения о составе дани, процедуре сбора дани, тесной связи фиска с осуществлением суда, категориях податного населения, фискальном обложении по погостам, характере взаимоотношений с периферийными финскими народами и т. д. Но дальше конкретных наблюдений и рассмотрения отдельных примеров дани или ренты ученый не идет. Анализ феодальной ренты, свидетельства о которой ученый обнаружил в берестяных грамотах, позволил сделать вывод о проявлении двух тенденций в ее развитии: увеличение крестьянских повинностей и изменение их характера (рост денежного оброка) [Черепнин, с. 239]. Значительный интерес представляет наблюдение Л. В. Черепнина над упоминаемыми в берестяных грамотах близкими по своему характеру повинностями населения, называемыми «корм», «дар» и «почестье». Эти обязательства ученый отнес к государственным (не вотчинным) повинностям в пользу «правительственных агентов», но при этом отметил, что не всегда возможно точно определить, идет ли речь о феодальной ренте, или государственных налогах [Черепнин, с. 258].

Работа Л. В. Черепнина стала первой попыткой обобщения данных берестяных грамот по проблеме функционирования налогово-даннической системы в средневековой Новгородской земле. Во многом в своих наблюдениях он отталкивался от переводов и комментариев грамот, осуществленных А. В. Арциховским, М. Н. Тихомировым и В. И. Борковским. Начатая А. В. Арциховским публикация уникальных новгородских (впоследствии и из других городов) находок в периодических, затем в академических изданиях была продолжена В. Л. Яниным, А. А. Зализняком, а с начала XXI в. и А. А. Гипшиусом. Своеобразный итог изучению берестяных грамот к началу XXI в. был подведен в работе А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [Зализняк, 1995; Зализняк, 2004].

Между тем специальных работ, посвященных рассмотрению проблемы отражения в берестяных грамотах функционирования фискальной системы, появилось немного. Л. В. Черепнин при написании своего обобщающего труда пользовался работами Б. Б. Кафенгауза [Кафенгауз], И. П. Шаскольского [Шаскольский] и В. Л. Янина [Янин, 1965а; Янин, 1965б], в которых в связи с анализом отдельных грамот затрагивалась и проблема фискальных обязательств населения. Наиболее последовательно использует данные берестяных грамот в комплексе с другими письменными и археологическими источниками для реконструкции различных аспектов истории средневекового новгородского общества В. Л. Янин. Исследователь новгородских

древностей создает в своих работах целостную картину зарождения и развития Новгородской «республики», выявляет истоки и сущность своеобразия ее общественно-политического строя. По мнению В. Л. Янина, особенности развития Новгородской земли восходят к «прецедентному договору с Рюриком», вследствие которого княжеская власть была ограничена в «столь важной области, как сбор государственных доходов и формирование государственного бюджета». Это право принадлежало исключительно самим новгородцам, которые «из собранных сумм выплачивают князю так называемый “дар”, т. е. вознаграждение за исполнение его обязанностей» [Янин, 2008, с. 30, 32–33; Янин, 2004, с. 114–115]. Именно этим обстоятельством объясняет ученый концентрацию документов, связанных с фиском (берестяных грамот и деревянных замков-цилиндров), в усадьбах новгородских бояр. На основании находок берестяных грамот, фиксирующих даннические отношения неславянского населения новгородской периферии, на определенных усадьбах в Новгороде (например, связанных с Карелией) [Янин, 1975, с. 69–75] В. Л. Янин пришел к выводу о закреплении «податных участков за конкретными боярскими семьями (что представляется некоторым зародышем кормленческой системы)» [Янин, 2004, с. 128]. При этом должность данника в средневековом Новгороде была наследственной [Янин, 1975, с. 75].

Большое значение для реконструкции функционирования фискальной системы средневековой Новгородской земли имеет выяснение В. Л. Яниным назначения деревянных цилиндров, обнаруживаемых в ходе раскопок наряду с берестяными грамотами. Содержащаяся на цилиндрах информация, а также их функциональное предназначение в качестве запирающих устройств позволили однозначно связать их с фискальной сферой. При этом топография находок — не на территории княжеской резиденции (Ярославовом дворе), а на усадьбах в Славенском, Неревском, Людине и Загородском концах — позволила прийти к выводу об активном участии в сборе и распределении государственных доходов Новгорода местной родоплеменной аристократии [Янин, 1982, с. 153; Янин, 2004, с. 110].

Рассмотрению отдельных «фискальных» сюжетов, содержащихся в берестяных грамотах, посвящены специальные работы В. Ф. Андреева, А. А. Гиппиуса, А. А. Медынцевой. Так, В. Ф. Андреев предложил собственную интерпретацию содержания грамот № 601, 609 и 318 [Андреев, 1987а; Андреев, 1987б]. В статье А. А. Медынцевой был рассмотрен ряд грамот XIV в., связанных с деятельностью Григория, традиционно называемого данником (сборщиком дани). По мнению автора, Григорий был тиуном и доверенным лицом крупного боярина, управляющего городскими и загородными владениями, человеком, составляющим списки даней и осуществляющим их сбор. Настоящими же данниками — сборщиками дани с карельских земель — были могущественные бояре Онцифоровичи [Медынцева]. В работе А. А. Гиппиуса предложено объяснение присутствия в грамоте № 226 термина «полюдь», также на основании упоминаемых в источнике имен (Иванка и Мирошка) делается вывод о существовании в Неревском конце административного центра, подобного усадьбе Е в Людине конце [Гиппиус].

Таким образом, в историографии накоплен значительный опыт по интерпретации содержания отдельных берестяных грамот, сделана попытка ввести эти уникальные источники в контекст функционирования судебной и фискальной систем Новгородской земли и определить их особенности. Тем не менее увеличившееся число находок дает возможность создания более широкой картины эволюции налогово-даннической системы в Новгородской земле. Отчасти выводы, относящиеся к данному региону, могут быть перенесены на всю территорию Древней Руси.

Оправданно ли отдельное изучение налогово-даннических обязательств населения Новгородской земли и ее периферии на основе данных берестяных грамот для домонгольского

и позднейшего периодов? В свое время В. Л. Янин обратил внимание на различия в содержании грамот XI–XII в. и более поздних: в первых основное внимание уделялось деньгам (преобладали сюжеты, связанные с деньгами и, в частности, с ростовщичеством) [Янин, 1982, с. 154], в то время как во вторых — земле и продуктам сельского хозяйства. Ученый предполагал, что на протяжении XII в. происходило постепенное накопление денежных ресурсов новгородскими феодалами, что позволило им позднее «осуществить решительное наступление на те земли, которые в большом количестве в XII веке еще принадлежали свободным новгородским общинникам». Между тем во второй половине XIII в. в Новгороде был проведен ряд реформ, в результате которых государственная власть окончательно оказалась в руках боярства. Одновременно произошли и существенные «экономические сдвиги», которые и нашли отражение в содержании грамот [Янин, 1975, с. 162]. К числу важнейших перемен следует отнести широкое распространение частного (боярского) землевладения, что привело к возрастанию повинностей населения в виде натурального либо денежного оброка или отработок в пользу частных лиц. Это обстоятельство непосредственно отразилось в содержании берестяных грамот позднего Средневековья. Примеры фиксации берестяными грамотами «феодальной ренты» были рассмотрены в работе Л. В. Черепнина, все они относятся к послемонгольскому периоду [Черепнин, с. 226–240]. Тем не менее монгольское нашествие не стало рубежным событием в функционировании налогово-даннической системы на древнерусских землях, хотя берестяные грамоты указывают на некоторые нововведения (например, в грамоте № 218, датируемой второй половиной XIII в., новый вид подати, принесенной монголами, — «туска» — сбор в пользу численников, осуществлявших перепись населения) [Зализняк, 2004, с. 487]⁵. В скором времени после Батыева нашествия ордынские власти вынуждены были отказаться от вмешательства во внутренние дела древнерусских земель и в полной мере воспользовались фискальной системой, ранее здесь созданной [Темушев]. В целом представляется возможным для реконструкции функционирования налогово-даннической системы в Новгородской земле домонгольского периода использовать данные более позднего периода (это относится, прежде всего, к особенностям даннической зависимости периферийных финно-угорских народов, кругу должностных лиц, участвовавших в сборе налогов-дани, окладной единице, роли децимальной организации).

В историографии не раз поднимался вопрос о причинах широкого распространения берестяных грамот именно в Новгородской земле, дальше других древнерусских регионов отстоящей от культурно-цивилизационного воздействия Запада и Востока. Вполне обоснованно мнение о более высокой потребности именно Новгорода, являвшегося на протяжении высокого и позднего Средневековья крупнейшим торговым, ремесленным и культурным центром, в деловой и прочей переписке [Дубов, с. 120–121]. Между тем представляется, что более широкое распространение в Новгородской земле, чем в иных регионах Руси, переписки на бересте напрямую может быть связано с особенностями функционирования ее политической системы в целом и налогово-даннической системы в частности. Довольно рано в Новгородской земле произошло отстранение князя и его администрации от сбора с местного населения и периферийных народов налогов-дани. Эта функция перешла к местным органам, не связанным с княжеской в период заключения особого договора-«ряда» ильменских словен с приглашенным князем в середине IX в. Именно с этого времени новгородцы получили право самостоятельно собирать и контролировать государственные доходы, а князь был ограничен в существенной сфере — организации государственных доходов. Позднее, в 1019 г., за оказанную новгородцами поддержку в междоусобной войне Ярослав Владимирович подтвердил существующие принципы

---

⁵ Туска упоминается в Новгородской первой летописи под 1259 г. именно как сбор в пользу «окаянных татар» (НПЛ. С. 82).

взаимоотношений новгородцев и князя. Со временем борьба бояр за ограничение полномочий князя позволяет им добиться новых успехов, в том числе в создании «сместного» суда в 1126 г. Положение князя в Новгороде регулировалось условиями заключаемого договора, в древнейшей дошедшей до наших дней грамоте (датируется 1264 г.) эти условия были сформулированы следующим образом: «А бес посадника ти, княже, волостии не роздавати, ни грамоть даяти»; «А волостии ти, княже, новгородьскихъ своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородьскими; а дарь от техъ волостии имати»; «...ни сель ти держати по Новгородьской волости, ни твоей княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ»⁶. Несомненно, эти условия были сформулированы намного раньше. В итоге В. Л. Янин пришел к важнейшему выводу о причинах принципиального отличия ситуации в Новгородской земле от остальной территории Древней Руси: в Новгороде княжеская власть утвердилась путем договора, а в Смоленске и Киеве — путем завоевания [Янин, 2001, с. 31–65]. Это обстоятельство определило и специфику функционирования налогово-даннической системы Новгородской земли. «В отличие от других центров княжеской власти, — пишет В. Л. Янин, — где сбор земельной ренты осуществлялся князем и его дружиной в форме всем хорошо известного полюдья, в Новгороде с его системой погостов сборщиками дани становились не дружинники князя (его дружина была варяжской), а представители богатейшей верхушки города, те, кто потом станут называться боярами» [Янин, 2004, с. 13]. Это обстоятельство может объяснить появление именно в Новгородской земле деловой переписки, связанной со сбором налогов-дани. Если в других регионах единственным адресатом, распорядителем и организатором сбора дани являлся князь, который мог руководить своим административным аппаратом посредством устных указаний, то в Новгородской боярской «республике» произошла своеобразная децентрализация сбора дани. До широкого распространения боярских вотчин принято говорить о корпоративном, государственном землевладении в Новгородской земле [Янин, 2004, с. 13]. Все это, а также обширность территории Новгородской «республики» вызвали появление письменных распоряжений на дешевом и вполне пригодном для этого материале — бересте.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, приведшее к особенностям функционирования налогово-даннической системы в Новгородской земле, потребовавшее координации действий сборщиков дани, в том числе путем письменных распоряжений и их переписки между собой. Это наличие обширной периферии из иноэтничного населения, обложенного данью. Инкорпорация «иноязычных федератов» (например, Водской земли) [Рябинин, с. 16–20] в состав Новгородской «республики» начиналась именно с установления подчиненного положения в форме выплаты дани.

Какую же конкретную информацию дают берестяные грамоты по проблеме функционирования налогово-даннической системы Древней Руси? Можно выделить следующие аспекты: 1) круг должностных лиц, занимавшихся сбором налогов-дани, 2) конкретные формы податного обложения населения, виды повинностей, 3) окладная единица, то есть группа людей, выступавших плательщиками налогов-дани; 4) содержание, размер и характер дани, 5) процедура (в том числе распределение дани) и время сбора разнообразных податей, а также рекомендации сборщикам, 6) география даннических отношений. К обозначенным аспектам следует также добавить вопрос об участии князя и его военной организации (дружины) в осуществлении фискальной функции (что несомненно для иных регионов Древней Руси, но является спорным для Новгородской земли). Важной также является проблема участия децимальной (десятичной) организации в распределении и сборе налогов-дани.

Что касается круга должностных лиц, задействованных в сборе налогов-дани, то берестяные грамоты дают уникальную информацию, отсутствующую в иных источниках. Применительно к

⁶ ГВНП. С. 9–10. № 9.

домонгольскому периоду берестяные грамоты содержат немного наименований должностных лиц, в чьи обязанности входил сбор налогов-дани. Чаще всего встречается обобщенное наименование «муж» или «люди» (см. грамоту № 902, нач. XII в.: «посъли моужь инъ»⁷; грамоту № 295, 20–30-е годы XIII в.: «по[шлите же с этим му]жъмъ вѣдание опять»⁸; грамоту № 724, 60–70-е годы XII в.: «от Аньдрея мужъ прияли и дане отяли людье»⁹); имеются также одиночные упоминания *дьяка* (грамота № 739, 20–30-е годы XII в.)¹⁰, *подвойского* (грамота № 147, 20–30-е годы XIII в.)¹¹, *отрока* (грамота № 509, 60–70-е годы XII в.)¹². В последнем случае присутствует указание на получение отроком за свою работу вознаграждения (за сбор податей или долга с процентами по куне с мужа). О том, что сборщик подати берет по куне, свидетельствует и грамота № 640 (сер. 50-х — сер. 90-х годов XII в.)¹³. Возможно, уже в домонгольский период в качестве сборщика податей упоминается *емец* или *борец* (в грамоте № 12 из Старой Руссы, 40–60-е годы XII в.)¹⁴ [Зализняк, 2004, с. 334]. Встречающееся в грамоте № 147 (20-е годы XIII в.) должностное лицо «подвойский», обещающий вышестоящему лицу хорошее «почестье»¹⁵, видимо, следует считать судебным чиновником.

В грамотах домонгольского периода можно обнаружить свидетельства решающей роли посадника в распределении дани. Это следует из содержания грамоты № 222 (если она понята правильно и под упоминаемым Гюргием имеется в виду посадник Гюргий Иванович, о чем утверждает А. А. Зализняк) [Зализняк, 2004, с. 442]: некий Матей, сборщик дани с колбягов, обращаясь к Гюргию, пишет, что «оу тьбъ жрьбье скоть по людьмо» («в твоих руках распределение долей, деньги по людям») ¹⁶. О значительных отчислениях (возможно, от собранной дани) в пользу посадника говорит и грамота № 601 (втор. пол. XII в.): «посадьникуо 30 [гривен] дани»¹⁷.

Значительный интерес представляют упоминания берестяных грамот об участии представителей княжеской дружины в фискальных отношениях. Но в грамотах не встречается свидетельств о сборе дани непосредственно представителями дружины — княжескими детскими. Их роль, скорее, следует оценить, как арбитражную и отчасти репрессивную. К детским обращаются в случае необходимости восстановить справедливость или принудить неплательщика выполнить определенные фискальные обязательства. В первом смысле роль детского представлена в грамоте № 222 (перв. четв. XIII в.): обвиненный, видимо, в сокрытии части дани с колбягов некий Матей пишет посаднику (?) Гюргию о том, что готов заплатить княжескому детскому гривну серебра, чтобы тот поехал к несправедливо обвинившим данника¹⁸. Своеобразная репрессивная функция детского, возможно, видна из грамоты № 295 (20–30-е годы XIII в., сохранилась не в полном виде), из содержания которой выясняется, что высокопоставленный

---

⁷ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 г.). М., 2004. Т. XI. С. 94–95.

⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 124–125.

⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). Т. X. С. 23–24.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. С. 25–26.

¹² Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 104.

¹³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 39.

¹⁴ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). С. 152.

¹⁵ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). С. 25.

¹⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 44–45.

¹⁷ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 63.

¹⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 44–45.

данник (возможно, посадник) требует от какой-то податной группы населения рассчитаться по старым долгам и произвести новый расчет (вѣдание), иначе будет прислан детский и придется уплатить еще и погон (плату на покрытие дорожных расходов административного лица) [Зализняк, 2004, с. 473]. Также и в грамоте № 13 из Торжка присутствует угроза прибытия княжеского детского в случае невыполнения неких обязательств [Зализняк, 2004, с. 451]. Еще более ценное подтверждение репрессивной функции княжеской военной организации содержится в грамоте № 890 (сер. XII в.): в дошедшем до нас фрагменте письма, адресованном, вероятно, князю, некое должностное лицо в связи с отказом какой-то группы населения платить подать просит прислать дружину (другим решением возникшей проблемы был бы арест некоего лица, чье имя не сохранилось)¹⁹.

Называемый в качестве участника осуществления фискальной функции отрок, безусловно, не имеет отношения к княжеской дружине. Отрок, как наименование должностного лица, означает человека, стоящего ниже по социальной лестнице (изначально меньшее и по возрасту), находящегося в подчинении. Отрока необходимо рассматривать как помощника старшего данника.

В период после монгольского нашествия обычным наименованием сборщиков налогов-дани, встречающимся в берестяных грамотах, становится «борец» (род. падеж «борца»; производное от глагола «братъ») (грамота № 463)²⁰. Отметим также прямое указание на подчинение сборщиков налогов-дани посаднику (они так и называются: «посадничьи», грамота № 463, кон. XIII — нач. XIV в.)²¹. Тексты на бересте подтверждают и встречающееся в летописи²² наименование высокопоставленных сборщиков дани «данниками» (в оригинале: «даник») (грамота № 281, 80—90-е годы XIV в.)²³.

Существенно дополняет данные берестяных грамот для периода конца X — первой четверти XII в. такой уникальный источник, также обнаруженный в новгородской почве, как деревянные цилиндры-замки (или деревянные пломбы), предназначенные для надежного запирания мешков с собранной данью [Янин, 2006, с. 18—19]. Содержащиеся на ряде цилиндров надписи и знаки указывают на предназначение материальных ценностей, которые они фиксировали, князю (изображены княжеские геральдические знаки) и мечникам (в четырех случаях нанесена соответствующая надпись: «мечника», «мечницъ», «мечничъ» и под., в семи случаях процарапан меч). Принятое ранее отнесение к числу сборщиков дани емцев на основании неправильного прочтения надписи на первом из найденных цилиндров (в ходе раскопок 1951 г., когда состоялась сенсационная находка берестяных грамот; так же, вероятно, на четвертом) [Янин, 1982, с. 138, 141], в настоящее время должно быть отвергнуто [Макаров, с. 150]. Таким образом, к числу должностных лиц, участвовавших в сборе государственных доходов, вполне определенно могут быть отнесены мечники. Что касается емцев, то последние чаще всего связываются с осуществлением судебной функции (занимались поимкой, задержанием преступника) [Янин, 1982, с. 138—139]. Между тем встречающийся в позднейшем источнике (договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом, 20-е годы XIII в.) термин «куномец» позволил В. Л. Янину прийти к выводу об участии емцев в сборе судебных пошлин и штрафов (вир и продаж). Должность емца, видимо, была тождественна должности вирника [Янин, 1982, с. 139; Янин, 2004, с. 102] и таким образом должна быть отнесена к судебной сфере. В то же время мечник, указанный на цилиндрах-замках, несомненно, сборщик налогов-даней. Кроме функциональной

¹⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 г.). Т. XI. С. 87—88.

²⁰ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). С. 58.

²¹ Там же. С. 59.

²² ПВЛ. С. 108; НПЛ. С. 183, 221.

²³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С. 108.

принадлежности самих цилиндров-замков на это указывает и содержание берестяных грамот, найденных на той же новгородской усадьбе. Так, на двух цилиндрах вырезано имя Хотен (на цилиндре № 21 он назван мечником). Это же имя встречается в трех берестяных грамотах (№ 902, 909 и 912). Грамота № 902 представляет собой отчет некоего Домагоста Хотену относительно сбора подати в Езьске. Таким образом, выясняется, что мечник — довольно высокая административная должность, это не рядовой княжеский дружинник [Янин, 1982, с. 143]. Мечник Хотен был влиятельным новгородским боярином.

Наименование должности новгородского данника (в значении сборщика налогов-дани), оставлявшего у себя определенную часть сборов, мечником отразило участие дружинной организации в сборе налогов-дани в более ранний период. В новых условиях приобретения новгородской боярской аристократией реальной власти в ее руках в полной мере был сосредоточен и сбор государственных доходов, формирование «государственного бюджета» [Янин, 2008, с. 33], из которого уже затем происходило обеспечение князя и его ближайшего окружения — дружины. Свидетельство этому также обнаруживается в берестяных грамотах. Так, в грамоте № 788 (посл. четв. XII в.) неизвестный по имени высокопоставленный администратор-данник дает распоряжение сборщику дани выделить определенную сумму — оклад в две с половиной гривны («пол третье гривньѣ») княжеским дружинникам — гридям²⁴.

Показательно место находок цилиндров-замков на территории боярских городских усадеб (большинство — на усадьбе Е Людина конца), а не на территории княжеской резиденции, что служит прямым свидетельством контроля местной новгородской социальной верхушки над налогово-даннической системой в Новгородской земле. Было ли так изначально, с момента заключения некоего договора между приглашенным скандинавским конунгом Рюриком и «союзом северо-западных племен», как считает В. Л. Янин [Янин, 2008, с. 33], источники не дают прямого ответа. Если это действительно так, необходимо привести дополнительные аргументы для объяснения использования «дружинной» терминологии для наименования должностных лиц государственного фиска в Новгородской земле. Терминология могла быть заимствована из других регионов Древней Руси, возможно также, что первоначально к компетенциям княжеского аппарата управления относился сбор дани-контрибуции с подчиненных Новгороду периферийных племен. Показательно, что и в более поздний период в содержании берестяных грамот обнаруживается указание на сопротивление князя и посадника в вопросе о сборе дани с периферийных владений Новгорода (грамота № 724, 60–70-е годы XII в.) [Зализняк, 2004, с. 351]. Тем не менее до оформления института посадника, обладающего значительной властью в Новгородской «республике», трудно найти иной адресат дани, нежели князь.

Обращает также на себя внимание датировка цилиндров-замков: они концентрируются в культурных слоях XI — первой четверти XII в., затем исчезают или резко сокращаются [Янин, 2004, с. 115]. Предполагается, что причиной тому стал «активный и массовый переход к вотчинной системе землевладения в Новгороде» [Янин, 2004, с. 115]. Вотчинниками становились, главным образом, жители Новгорода, и для взимания государственных податей уже не было необходимости выезжать в погосты, подати собирали сами вотчинники и определенную часть материальных благ выделяли с них уже в самом городе. Возможно, следует связать переход к новой системе осуществления государственного фиска с изменившимся положением самой княжеской власти как раз в это время. Таким образом, берестяные грамоты и тесно к ним примыкающие деревянные замки-цилиндры позволяют выделить определенные периоды в развитии налогово-даннической системы в Новгородской земле.

---

²⁴ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 г.). Т. XI. С. 21.

В целом данные берестяных грамот и близких к ним деревянных замков позволяют обнаружить следующую систему организации фискального аппарата Новгородской земли: данник (на раннем этапе — мечник, он же емец, позднейшее наименование — борец), ответственный перед посадником, осуществляет сбор налогов-дани с помощью подчиненных ему людей (встречается наименование этих лиц вспомогательного персонала отроками, дьяками). Эти же лица осуществляют разверстку податей или дани (на это неоднократно указывают берестяные грамоты: см. грамоту № 902, нач. XII в.: «Езьскѣ роздробили полъ пятадесяте гривнѣ» («в Езьске разверстали сорок пять гривен»)²⁵; грамоту № 12 из Старой Руссы)²⁶. В грамоте № 295 (20—30-е годы XIII в.) имеется ценнейшее указание на саму процедуру распределения дани — расщепление палочки с зарубками²⁷. Размер налогово-даннических выплат, судя по всему, был четко определен, отсюда возникали недоимки и проценты по ним, неоднократно фиксируемые в грамотах (возможно, связанные и с ростовщичеством). К низшему уровню фискального аппарата следует отнести органы самоуправления — сельские и городские общины с их выборными органами, хотя грамот о распределении податей от их лица не сохранилось, они несомненно участвовали в этом деле. В распоряжении исследователей есть только одна грамота, прямо указывающая на участие децимальной организации в вопросах налоговых выплат. Это грамота № 463 (кон. XIII — нач. XIV в.): «Поклонѣ от Федоря и от Коузмы и от хого десятиа» решить вопрос со сборщиками податей (борцами) о недоимках²⁸.

Политический строй Новгородской «республики» заставляет предположить, что на самом вершине должностной иерархии должен был находиться посадник (с того времени, когда, собственно, оформляется данный институт). Действительно, среди берестяных грамот можно обнаружить примеры обращения данников непосредственно к посаднику. В то же время грамоты подтверждают вывод о складывании в Новгородской земле своеобразной боярской корпоративной власти. Это следует, среди прочего, из закрепления некоторых податных регионов за конкретными боярскими семьями (В. Л. Янин видит в этом зародыш кормленческой системы) [Янин, 2004, с. 128]. В целом связь самого действия по сбору податей с аппаратом княжеского управления в Новгородской земле из содержания берестяных грамот прямо не прослеживается. Тем не менее, не следует полностью отрицать какое-либо значение князя и его военной организации в сборе податей и даней. Первоначально представители дружины были, вероятно, непосредственно включены в аппарат фиска (наименование данников мечниками прямо об этом свидетельствует). «Дружинная» терминология некоторое время продолжает использоваться для обозначения сборщиков дани. Такое явление было характерно и для других восточнославянских регионов. Так, из документов Метрики Великого княжества Литовского известно, что на территории белорусских земель для обозначения фискальных и судебных чиновников до XVI в. использовался термин «детские» («децкія»), несомненно, восходящий к древнерусским реалиям²⁹. Но и после ограничения власти князя со второй четверти XII в. его авторитет (а также и военная организация) оказывается необходимым для сбора налогов-дани в Новгородской земле.

Рассмотренные примеры наименований должностных лиц государственного фиска Новгородской земли позволяют сделать вывод о неустоявшейся терминологии, как и в целом о несовершенстве всей налогово-даннической системы. Формирование терминологии даннических отношений находилось в начальной стадии, поэтому преобладало словообразование

²⁵ Там же. С. 94—95.

²⁶ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). С. 152.

²⁷ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). С. 124—125.

²⁸ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). С. 58—59.

²⁹ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Vilnius, 1998. Кн. 25 (1387—1546). С. 95.

путем использования глаголов, означавших в повседневной лексике сам процесс сбора или отдачи определенных материальных благ (емец, борец, также и данник). Прослеживается и использование профессиональной дружинной терминологии (мечники, детские). Еще один вариант появления наименований сборщиков дани — по их положению в должностной иерархии через переосмысление социального или возрастного статуса — также обнаруживается в берестяных грамотах (отроки, детские).

Неустойчивость терминологии налогово-даннических отношений видна из содержания берестяных грамот и в наименовании конкретных фискальных обязательств населения. Как правило, само содержание выплат было связано с хозяйственной специализацией податного населения, что в некоторых случаях находило отражение в названии податей (медовое, рало или поралье: грамоты № 910, 663, 805)³⁰. Именно поралье, предполагающее выплаты земледельца с единицы вспаханной одним ралом площади, следует отнести к основным видам сбора с населения. С городского же населения взималось погородье, встречающееся только однажды в грамоте рубежа XII—XIII в. (№ 718)³¹. Из грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича³² известно, что погородье было характерно и для других регионов.

Исследователи отмечают в качестве одной из важнейших особенностей Новгородской «республики», обусловленной спецификой ее политического строя, отсутствие полюдья [Янин, 2008, с. 33]. Между тем полюдье упоминает жалованная грамота князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю на волость Буйцы 1130 г.³³, а также одна из новгородских берестяных грамот (№ 226, трет. четв. XII в.)³⁴. Связь полюдья с институтом княжеской власти несомненна, существование же в Новгородской земле этой фискальной обязанности можно объяснить только ее взиманием не с основных новгородских «волостей», а с территорий, всецело подведомственных князю (домениальных) (А. А. Гиппиус доказал, что грамота № 226 указывает на территорию по течению реки Паши в Обонежском ряде) [Гиппиус, 2003, с. 50].

Общим же наименованием выплат населения был универсальный термин «дань», встречающийся в 5 грамотах (№ 286, 601, 718, 724, 811). Но, судя по содержанию грамоты № 724 (60–70-е годы XII в.)³⁵, термин «дань» уже в домонгольский период мог иметь более узкое значение дани-контрибуции с периферийных племен (выплачивалась мехами, в указанной грамоте, рассказывающей о сборе дани в Заволочье, — песцами).

В домонгольский период, действительно, преобладали выплаты деньгами (гривнами, кунами), что в целом свидетельствует о значительном развитии товарно-денежных отношений в Новгородской земле. Но берестяные грамоты дают множество примеров натуральных выплат: медом (лукнами) (грамоты № 842, 718, 910), маслом (в горшках) (грамота № 718), солодом (грамота № 863), возможно, полотном (постав — грамота № 908, попоны — грамоты № 601 (?), 718), крупным рогатым скотом (грамота № 718), разнообразными мехами: бобрами (грамота № 910), песцами (грамота № 724) — и другими материальными ценностями.

Размер налогово-даннических выплат, судя по всему, был четко определен, отсюда возникают недоимки и проценты по ним, хорошо известные из берестяных грамот.

---

³⁰ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 г.). Т. XI. С. 102, 31–32; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). С. 53.

³¹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). Т. X. С. 16–18.

³² Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141–146.

³³ Жалованная грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Юрьеву монастырю // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I. С. 2.

³⁴ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 49.

³⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). Т. X. С. 22–25.

Чрезвычайный интерес представляют берестяные грамоты, которые по своему характеру относятся к инструкциям сборщикам дани. Кроме точного указания с кого, что и в каком количестве собирать (это позволяет определить окладную единицу и размер налогов-дани), иногда в них содержатся рекомендации опытного сборщика, как следует действовать при сборе дани у подчиненных Новгороду народов (грамота № 286, датируется 1360–1380 г.)³⁶.

Следует отметить, что для рассматриваемого периода в сфере фискальных отношений, как и в иных социальных связях в домонгольской Руси в целом, характерно преобладание личных связей, что отчетливо проявляется в содержании берестяных грамот.

Таким образом, берестяные грамоты оказываются ценнейшим источником информации по проблеме функционирования налогово-даннической системы в Новгородской земле и в целом в Древней Руси. В то же время заключенную в них информацию следует учитывать в комплексе с их археологическим контекстом и данными других письменных источников — летописей, актового материала, «Русской Правды». Важнейшая ценность данных берестяных грамот состоит в том, что они позволяют более детально очертить круг должностных лиц, участвующих в осуществлении фиска, реконструировать сам ход и процедуру разверстки и сбора налогов-дани. В то же время берестяные грамоты уточняют и подтверждают информацию других письменных источников о первоначальной значительной роли военной (дружинной) организации в сборе дани. В целом уникальные источники, обнаруженные в Новгородской земле (а к настоящему времени и в ряде других регионов), рисуют картину довольно развитой и сложной налогово-даннической системы. Есть все основания полагать, что основные принципы ее функционирования (например, размер вознаграждения сборщикам дани) были характерны и для других земель Древней Руси.

Литература

- Андреев В. Ф. Новгородские берестяные грамоты № 601 и 609 // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород, 1987. С. 32–36. [Андреев, 1987а]
- Андреев В. Ф. Новое прочтение берестяной грамоты № 318 (XIV в.) // Изучение истории и культуры Новгородской земли. Тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1987. С. 78–81. [Андреев, 1987б]
- Гиппиус А. А. Комментарий к берестяной грамоте № 226 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. С. 45–56.
- Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М., 1997.
- Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Кафенгауз Б. Б. Заметки о новгородских берестяных грамотах // История СССР. 1960. № 1. С. 159–174.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- Макаров Н. А. «Заволоцкие топонимы» новгородских берестяных грамот и деревянных цилиндров на археологической карте // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. С. 149–163.
- Медынцева А. А. Письма Григория — тиуна боярского (по материалам берестяных грамот) // Культура и искусство средневекового города / Отв. ред. И. П. Русанова. М., 1984. С. 53–75.
- Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М., 1978.
- Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб., 1997.
- Темушев С. Н. Трансформация налогово-даннической системы древнерусских земель после монгольского нашествия 1237–1241 гг. // Colloquia russica. Сер. I. Т. 3. Русь в эпоху монгольских нашествий (1223–

³⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 112–114.

1480). Материалы III Международной научной конференции. Варшава, 15–17 ноября 2012 г. Краков, 2013. С. 52–61.

Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

Шаскольский И. П. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV–XV веков // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 71–78.

Янин В. Л. Заметки о новгородских берестяных грамотах // Советская археология. 1965. № 4. С. 104–123. [Янин, 1965а]

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965. [Янин, 1965б]

Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 313–324.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е, исправленное и дополненное новыми находками. М., 1975.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138–155.

Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. [Янин, 2003а]

Янин В. Л. Значение открытия берестяных грамот для изучения отечественной истории // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. [Янин, 2003б]

Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.

Янин В. Л. Дары новгородской почвы. Находки и открытия в славянском центре на Волхове // Родина. 2006. № 4. С. 16–20.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.